

Д.Н. Шевелев

**В.М. Рынков. Социальная политика антибольшевистских режимов
на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.).
Новосибирск, 2008. 440 с.**

В ряду вышедших в последнее время книг по истории Гражданской войны на востоке России монография новосибирского исследователя кандидата исторических наук В.М. Рынкова занимает особое место. Впервые в отечественной историографии появилась обобщающая работа, посвященная одному из важнейших направлений внутренней политики антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири.

Революция 1917 г. в Российской империи и последовавшая за ней Гражданская война стали закономерным итогом сложного многоуровневого социально-экономического, политического и социокультурного кризиса, поразившего страну на стадии перехода к индустриальному обществу и повлиявшего на всю мировую историю. Неслучайно эти противоречивые, полные драматизма события неизменно вызывают повышенный интерес многих поколений историков. Необходимость, на современном этапе общественного развития, коренного переосмысления и переоценки революционного прошлого России, периода Гражданской войны имеет важное как научно-познавательное, так и политико-прагматическое значение. Исторический опыт взаимодействия государства и общества, правительственной политики перераспределения доходов, поддержания социальной стабильности актуален и для современных процессов формирования социального государства и гражданского общества. В этом плане рецензируемая монография имеет прямой выход на современность, ее актуальность и научная значимость исследования несомненны. Как пишет сам автор, изучение опыта антибольшевистских правительств «...не просто закроет еще одну лауну в российской истории, а позволит на конкретном материале разобраться в механизмах трансформации социальной политики государства под влиянием социально-политической и экономической катастрофы» (С. 4–5). Интересен и авторский подход: с одной стороны, Вадим Маркович решительно порывает с традицией, разрушая прежние представления, опровергая многие выводы своих предшественников, с другой же стороны, автор внимательно и даже бережно относится к отечественной (в том числе и советской) историографической традиции. Закономерен и обоснован вывод В.М. Рынкова о том, что «заслуги отечественных историков все же не следует преуменьшать» и «отдельные итоги в изучении социальной политики налицо». В то же время он справедливо указывает, что «целый ряд ключевых проблем остался не только не решенным, но даже не осознан историческим сообществом» (С. 22).

Рецензируемая монография выполнена на вполне репрезентативном источниковом материале, в ней использован богатый архивный материал, в том числе и впервые вводимый в научный оборот. Достаточно сказать, что

положения и выводы диссертации базируются на материалах 56 фондов 15 архивов. Фундаментальная источниковая база позволила автору выявить новые факты, проводить перекрестный анализ источников, переосмыслить имеющиеся концепции, выдвинуть и обосновать свои собственные, оригинальные тезисы по рассматриваемым проблемам. Примененный автором комплекс источников полностью направлен на реализацию поставленных исследовательских задач и позволил сделать доказательные выводы.

Во введении автор четко обозначил цель исследования – реконструкция и анализ основных направлений социальной политики антибольшевистских режимов на востоке России во второй половине 1918 – начале 1919 г. Из такой постановки цели работы логически вытекают задачи, объект и предмет исследования, его территориальные и хронологические рамки. К несомненным достоинствам работы следует отнести теоретико-методологическую часть введения. В основной части переплетаются два плана, два уровня исследования: теоретический и конкретно-событийный. Исследование В.М. Рынкова выполнено на стыке истории и целого ряда социальных дисциплин (социальной философии, психологии и конфликтологии, социологии и экономики). Стремление к методологическому синтезу – также одна из сильных сторон данной работы.

Автор специфически и нетрадиционно (по крайней мере для историков) подходит к интерпретации содержания социальной политики. В.М. Рынков сознательно отказывается от рассмотрения государственной политики по отношению к различным слоям общества. «Конечно, очень заманчиво, – пишет он во введении, – попытаться осмыслить весь социальный срез ресурсонакопления и ресурсопотребления применительно к революционной эпохе, в осуществлении которых государство играло роль аккумулятора и регулятора, а также усилия по поддержанию социальной стабильности» (С. 7–8). При этом автор справедливо полагает, что в рамках одной монографии «объять такой круг проблем и сделать значимые выводы невозможно». Такой подход обусловил сужение исследовательского поля и интерпретацию социальной политики в более узком, в большей степени характерном для социологии, смысле. Отсюда и определенная избирательность в выборе сюжетов для анализа. Это, прежде всего, нашло отражение в определении предмета исследования как «совокупности конкретных социальных решений и мероприятий, связанных с регулированием прав собственности, социально-трудовой сферы, поддержкой малоимущих семей (домохозяйств), а также обеспечением развития некоммерческой части социально-культурной сферы» (С. 5). Такая избирательность, на наш взгляд, не вполне оправдана, поскольку из работы выпали многие весьма значимые для заявленной автором темы. Так, Вадим Маркович обошел все аспекты «крестьянской» политики «белых». Не нашли в монографии отражение и многие сюжеты, связанные с регулированием и нормированием повседневности.

Структура монографии вполне логично соотносится с поставленной целью и предметом исследования. Основная часть работы состоит из семи глав, выстроенных в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Первая глава носит вводный характер. Автор умело и интересно описы-

вает «политическое пространство» на востоке России, кратко, но емко характеризуя антибольшевистские режимы Поволжья, Урала и Сибири. Необходимо отметить, что подобный очерк сам по себе вызывает значительный интерес и является значимым историографическим событием.

Во втором разделе проанализирована структура государственных органов, определявших и претворявших в жизнь социальную политику. Не вызывает возражения утверждение автора о том, что «для большинства государственных образований на востоке России в антибольшевистский период краткость отведенного для них срока и слабость административных ресурсов не позволили развернуть определенный курс социальной политики». По большому счету это справедливо для всех антибольшевистских режимов, включая Временное сибирское и Российское правительства. В связи с этим, на наш взгляд, было бы весьма уместно обрисовать общие контуры той социальной модели, которую стремились воплотить в жизнь антибольшевистские правительства. Этому сюжету можно было либо посвятить раздел первой главы, либо выделить его в самостоятельную главу. В первой главе также показаны основные игроки, как обозначил автор, «на поле лоббирования социальных интересов»: органы местного самоуправления, кооперация, предпринимательские организации. Проанализированы их возможности влияния на власть и каналы воздействия на общественное мнение.

Значительный интерес представляет вторая глава, в которой анализируется правительственная политика регулирования прав собственности. Вопрос этот весьма непростой, поскольку в настоящее время среди исследователей еще сильны представления о том, что победа антибольшевистских сил привела к немедленному восстановлению в правах всех владельцев национализированных частных предприятий. Автор на значительном фактическом материале показывает, что процесс возвращения собственности был сложным и многоплановым. Неслучайно один из разделов носит название «Восстановление прав собственников: шаг вперед, шаг назад». Пересматривая сложившуюся в советской историографии точку зрения, автор утверждает, что в вопросе денационализации антибольшевистские режимы были осторожны и «поспешного пересмотра результатов советских экспериментов с собственностью» даже не планировали. Значительный интерес представляет вывод В.М. Рынкова о том, что в условиях Гражданской войны «белая» власть оказалась в несколько двойственном положении. С одной стороны, «власти ставили перед собой задачу восстановить социальную справедливость, компенсировав гражданам потери от действий предшественников». С другой же стороны, для достижения победы государству необходима была мобилизация всех ресурсов, а это, в свою очередь, заставляло «лидеров антибольшевистского движения применять почти весь спектр форм и методов ограничения прав собственников». Правительственная политика огосударствления крупной промышленности и транспорта (пусть только на чрезвычайный период) в какой-то степени роднит антибольшевистские правительства востока России и их противников и демонстрирует универсальность методов мобилизации экономики.

В монографии подробно рассматривается государственная политика в сфере регулирования оплаты труда, пенсионного обеспечения, выплаты пособий и социального страхования. Анализируя основные элементы этой политики, автор приходит к выводу, что государство в этой сфере столкнулось с целым рядом неразрешимых противоречий. Во-первых, возник диссонанс между интенцией государства к дифференциации заработной платы и уравнительными тенденциями в обществе. «Политические лидеры, – пишет В.М. Рынков, – понимали, что уравнительность – враг производительности труда, и искали пути гармонизации интересов восстановления производства и выживания социума. Поэтому над прогрессивной шкалой зарплат страивалась вереница надбавок, убивающая на корню всякую попытку дифференцировать работников по качеству и количеству производимых им благ. Обращает внимание тот факт, что в обществе явно доминировала уравнительная тенденция, ибо все импульсы, поступавшие государству от социума, подталкивали его к выравниванию доходов во имя выживания большинства» (С. 189). Во-вторых, стремление государства «установить относительное равенство социальных благ на рынке труда» противоречило «военно-мобилизационным задачам государства». В-третьих, в годы Гражданской войны, когда инфляция обгоняла уровень заработной платы, существенно возросла роль «маргинальных форм вознаграждения за труд». Некоторые из этих форм (подсобное сельскохозяйственное и кустарное производство) не затрагивали интересов государства. Другие же («самоснабжение» военнослужащих, использование служебного положения для личного обогащения государственным служащими) серьезно им противоречили, подрывая доверие к самому режиму.

Пятая глава рассматривает регулирование рынка труда, трудовые конфликты, т.е. сложный комплекс взаимоотношений в треугольнике государство – предприниматели – рабочие. Современный уровень представлений в этом вопросе также во многом задается советской историографической традицией. Так, не вызывала сомнения антирабочая и антипрофсоюзная сущность мероприятий «белых» правительств. Детально изучив вопрос, В.М. Рынков опровергает такую точку зрения. В частности, он отмечает тезис о полном разгроме и даже запрете профсоюзов Сибири. «Несмотря на явные гонения, – отмечает автор, – со стороны военных властей и судебных органов против многих активистов профсоюзного движения... профсоюзы и их объединения вели активную деятельность».

Название последней главы автор обозначил как «Культурная политика на фоне хозяйственного кризиса». Однако в самой главе подробно рассматривается только один ее аспект – развитие образования. В целом же проблемы, поднятые автором в этой главе, не вполне вписываются в контекст социальной политики. Ощущается и некоторая непроработанность выбранных В.М. Рынковым сюжетов. Так, автор считает, что «своеобразной кульминацией воплощения научных чаяний сибирской интеллигенции» стало создание Института исследования Сибири. Но в своей работе должного внимания этому институту он не уделил, ограничившись лишь краткой характеристикой его создания и деятельности. Обошел вниманием автор и Сибирские

высшие женские курсы, которые фактически являлись одним из вузов на востоке страны.

Интересны и убедительны итоговые выводы, представленные в заключении. По мнению В.М. Рынкова, власть на востоке России постепенно отдалялась от идеи самоорганизации граждан, приверженцами которого были умеренные социалисты (ЗСК и Комуч), эволюционируя в сторону сильной государственной власти. Этому в немалой степени способствовали глубокие социальные противоречия между отдельными группами российского общества, а также слабость институтов гражданского общества. Парадоксально, но «чем дальше вправо по политическому спектру сдвигалась правящая власть, тем меньше провозглашалось слов о социальном государстве и больше совершалось дел в области социальной политики».

Автор справедливо отмечает противоречивую двойственность социальных устремлений антибольшевистских режимов: с одной стороны, значительные усилия направлялись на поддержание социальной базы режима, с другой – контрреволюционные правительства «в одинаковой степени стремились стать выразителями идеи социального мира». Разрешить это противоречие власти белых не удалось. «Успешная социальная политика, – пишет В.М. Рынков, – заключается не в общественном консенсусе в условиях анонимии и не в том, чтобы превратить воюющее государство в социальное. Революция – это самораспад общества, и государство, стремящееся просто его затормозить, а не кующее новую социальную реальность, обречено на поражение». Таким образом, исследование В.М. Рынкова во многом проясняет причины узости социальной базы антибольшевистских режимов.

Автором проделана значительная работа по поиску и выявлению малоизвестных материалов и их обобщению, что позволило заметно расширить имевшиеся в литературе представления о направленности и содержании социальной политики антибольшевистских правительств на востоке России, тем самым сделать более полным наше представление о Гражданской войне в России.